

ложение связать его с частотной в финской антропонимике основой *holappa-* (из русск. *холопъ*) (Саарикиви 2007: 232–233) оставляет необъясненным передний гласный первого слога. Между тем, это имя может быть этимологизировано на тюркской почве, будучи разложено на элементы *гюл* и *она*, которым (с учетом варьирования глухих и звонких согласных в передаче тюркских антропонимов) может быть поставлен в соответствие ряд тюркских корней (*kül* ‘славный, мудрый’, *oba* ‘род’, *ora, ara* ‘уважительное обращение к старшему’ (см. Баскаков 1985: 52–53). Поскольку, кроме того, тюркскому *kül* может в русской передаче соответствовать *Кул-* (ср. там же об этимологии имени *Кулмби*), ничто не мешает сопоставить имя *Гюлопа* с реально засвидетельствованным половецким именем *Кулоба* (там же: 79). Другая возможность (подсказанная нам А. В. Дыбо) заключается в том, что начальное *Гюл-* может передавать тюркский корень *yul-* (*yol-*) ‘дорога’.

№ 731 (50-е – 70-е гг. XII в.; Б 83) [3]. Для фразы *а кодъ ти мнѣ хлѣбъ тѣ и тобѣ*, где хлеб выступает как символ прокормления, законного довольствия, ср.: *а ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хочещи дати?* (ПВЛ [1096] по Лавр., л. 85 об.).

№ 735 (сер. – 2 пол. XII в.; Б 20) [3]. Что касается особого значения союза *любо* в обороте *любо и до Коростомля* ‘хоть и до Коростомля’, ‘хоть бы и до Коростомля’, то можно указать примеры сходного употребления весьма близкого по значению союза *или*:

тѣмъ же готовъ ѣсмъ или на смърть (‘даже и на смерть’, ‘хоть бы и на смерть’) (Житие Феодосия — Усп. сб., 58г);

сѣ же бысѣ Сѣмонъ Гиѡринъ снѣ, егѡже тогдѣ скѡсѣ люди ведѡша съ плѣненными въ приелиписъ, звѣзавше тѣмъ по шю и влекѣще и биюще по всѣмъ оудомъ, ведѡша или до трѣжища (‘даже и до торго’), *идеже законъ естъ оубѣити ѡсоужденыхъ злодѣи* (Флав., 470а).

№ 745 (кон. XI – 1 четв. XII в.; А 19) [3]. Покойный Е. А. Хелимский в свое время предложил (в письме) понимать в этой грамоте и в грамоте № 286 слово *присловье* несколько иначе, чем в ДНД. Он писал: «*Присловье* явно не ‘худая слава’, а ‘претензия’, ‘подозрение’, ср. также *присловье* ‘подозрение’ Нижегород. (СРНГ, 31: 388). В словоуказателе ДНД ‘худая слава’, ‘укоп’, что точнее, но не отражено в переводах грамот». С этим стилистическим замечанием можно согласиться.

№ 752 (1080-е – 1100-е гг.; А 11) [3]. Для фраз *ажѣ бы ти годѣнь* и *ако естъ не годѣнь* ср., в частности: *ажѣ вы годѣно а ѣдете к намъ, а паки ли не годно вы, а волни есте* (Ипат. [1193], л. 233 об.).

Для выражения *моа хоудость* ср., в частности: *Мы всѣ братья и чернорисци кланѣмса тобѣ, и хочемъ та имѣти собѣ ѡца игоумена. Попъ же Василѣи в велицѣ изоумѣньи бывѣ, поклониса противоу имъ и ре^ч: ѡци и братья, азъ чернество на срѣцѣ имѣлъ есмъ, игоуменьства же ради что мысли^{те} ѡ моѣи хоудости* (Ипат. [1182], л. 220); *Посла Девгений своего предстателя цареви, глаголя: «Дивлюся, како потрудися царь твой к моѣи хоудости»* (Девгениево деяние).

№ 755 (вероятно, кон. XIV в.; Г 86) [Г]. Представляет интерес коммуникативная структура этого документа. Приведем его текст с современной пунктуацией, но без кавычек:

Толко за мною и словъ. Позвале мене Ѡлексъѣи на гумно, ажѣ Ѡсташька ѡвѣдѣ молоти. Ѡлексъѣи [ж]о воспроси: Цому молотишь безѣ нашихъ сиротъ, а намъ в землѣ половина, а верьши часть? И велѣлъ ми старѣиѣи мои и сѣмана и ѣмана молотить ваша Иване.

Перевод в ДНД трактует последнюю фразу грамоты как слова автора. При этом А. А. Зализняк оговаривает также менее вероятную, по его мнению, возможность того, что «прямая речь Олексея не кончается на слове *часть*, но идет до конца грамоты (т. е. что ссылка на Ивана принадлежит Олексею, а не автору доку-